

ФИЛОСОФИЯ

П. Г. Мартысюк

Генезис философских оснований творчества: от мифа к логосу

УДК 130.2

В статье исследуется проблема творчества в системе философского знания. В ней представлено формирование и эволюция философского творчества в контексте смены мировоззренческих парадигм (от мифа к логосу). Отмечается, что философское творчество заявляет о себе в процессе обнаружения новых ориентиров знания, а также самосозидания природы познающего субъекта.

Ключевые слова: бытие, миф, логос, познание, сущее, философия, философское творчество, человек.

Martysiuk Pavel. The Genesis of the Philosophical Foundations of Creativity: from Myth to Logos

The article deals with the problem of creativity in the system of philosophical knowledge. It presents the formation and evolution of philosophical creativity in the context of the changing ideological paradigms (from myth to logos). It is noted that philosophical creativity makes itself known in the discovery process of new landmarks of knowledge, and self-creation of the nature of the cognizing subject.

Keywords: existence, myth, logos, cognition, entity, philosophy, philosophical creativity, person.

По мере эволюции познания от мифа к логосу происходит переориентация творческого поиска, вызванного преодолением мифологических гносеологических установок. Философское творчество, направленное на познание мира, перестает ориентироваться на сверхъестественную природу мифа, а начинает фундироваться на интеллектуальных резервах природы познающего субъекта, его способности генерировать рациональную картину мира. Процесс философского познания во многом схож с творческим процессом, так как выводит философствующий ум на новые рубежи постижения бытия. Творческий порыв субъекта философского мировоззрения может быть направлен как внутрь, на духовное самопознание, что приводит к самосозиданию творящего, так и вовне, на познание внешнего мира, что влечет за собой сотворение нового интеллектуального продукта. Познавательные возможности философии являются основой нового знания. В связи с этим философская гносеология в рамках настоящего исследования может быть представлена в качестве одного из инвариантов творчества.

В контексте подобного рода размышлений определенный интерес представляет сравнительный анализ философского и мифологического творчества. Подобный выбор можно объяснить тем, что миф в силу своей первичности является как предтечей, так и источником зарождения философии. Несмотря на это, по мере формирования логоса он редуцирует, утрачивая тем самым свой первоначальный сакральный статус. Не случайно философия традиционно рассматривалась с позиции духовного преодоления мифа, где мудрость выражалась в формах критического осмысления бытия и его рационального доказательства.

В качестве формы мыслительной деятельности философия стремится к рациональному объяснению всего бытия. Но, будучи одновременно выражением мудрости, она обращается к предельным смысловым основам, видит вещи и весь мир в их человеческом (ценностно-смысловом) измерении. Таким образом, философия выступает как теоретическое мировоззрение и выражает человеческие ценности, человеческое отношение к миру.

Одним из векторов творческой направленности мифа, предшествовавшего зарождению философского логоса, является стремле-

ние смоделировать мифологическую картину мира по образу человеческого тела. На основе антропоморфного принципа взаимодействия человеческого деяние и космическое (природное) становление соединяются воедино. «Не случайно, – как отмечает М. Мамардашвили, – одной из первых моделей мира – и в познании и искусстве – была модель человеческого тела, в которой космическими аналогиями и гомологиями мир как целое и разные его части проецировались на целое и части человеческого тела (то есть в целях понимания существенно использовалось описание мира таким, чтобы в нем было место человеку с его заданной духовно-телесной формой)» [2, с. 87].

Мифологическая картина мира представляется как череда изоморфных объектов, к которым можно отнести Вселенную, Землю, территорию племени, социум и самого человека. Все эти объекты пребывают в тесной и неразрывной связи, имея в своей основе «закон участного внимания» и закон «идеального равновесия», а также представление о мире как совокупности мест взаимодействия множества неповторимых и незаменимых живых существ, сопричастных как всему этому миру, так и друг другу и потому ответственных за этот мир и за все его проявления.

Миф предоставляет человеку возможность выйти за рамки своей временной ограниченности, в процессе которой всеобщее «я» становится его собственной «великой реальностью», а «великая реальность» – собственной индивидуальностью. Человек при этом не субъективная мера всех вещей, а личность, мерой которой и становится мифологический универсум. В мифе преодолевается субъектно-объектная форма связи, разделенность человека с миром, порождаемая замкнутостью его на себе, что является источником возникновения иных форм общности свободных индивидов. Миф способен к восполнению и созиданию человеком себя в бытии, в котором для него нет весомых природных оснований. Это объяснимо тем, что в нем есть нечто гораздо большее, чем содержится в подающемся рациональному осмыслению окружающем мире.

Несмотря на конструктивный потенциал мифа, в нем присутствуют сдерживающие механизмы, привязывающие человека к мифологической реальности и тем самым ограничивающие его позна-

вательные возможности, что, в свою очередь, приводит и к минимизации гуманистической сферы его бытия.

В оценке природы человека и его познавательных возможностей в мифе примечателен изложенный Ф. Ницше разговор царя Мидаса с пойманным Селеном. «Ходит стародавнее предание, что царь Мидас долгое время гонялся по лесам за мудрым Силеном, спутником Диониса, и не мог изловить его. Когда тот, наконец, попал к нему в руки, царь спросил, что для человека наилучшее и наименее предпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царем, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: «Злополучный однодневный род, дети случая и нужды, зачем вынуждаешь ты меня сказать то, что полезнее было бы тебе и не слушать? Наилучшее для тебя вполне достижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем» [3, с. 66].

В этой связи имеют особый вес размышления О. Е. Иванова по поводу того, что в рамках мифа «человек не в состоянии вместить в себя мифологическое существо. Оно превышает всякую человеческую меру, подлинно безмерно и потому совпадает с хаотическими безднами космогонических мифов» [1, с. 159].

Человеческие возможности явно ограничены по сравнению с этой безмерностью, и человек не способен вместить в свое бытие бездну, перед которой трепещут даже боги, которая способна поглотить и самые могущественные природные стихии. Он ограничен, бездна же безгранична.

Таким образом, в рамках мифологического сознания утверждается не истинно-сущее, а «блестящее порождение» грез, вызванное «расположением подлинного мира там, где господствуют «страхи и ужасы» существования». С позиции Ницше говорить о «спокойной устойчивости» мифологической эпохи можно лишь с оговорками. Присутствие бездны не может быть устранено из мироощущения, ведь «даже бессмертным богам страшно это чудо». Понятно, что такое самоощущение никогда не может прийти к тождеству самосознания, собраться в единство человеческого «Я», как бы зависающего над пропастью.

Определяя потаенную сферу бытия, миф раз и навсегда лишает человека творческой возможности через овладение миром познать

как свою подлинную сущность, так и сущность окружающего мира. Наряду с этим, являя собой замкнутую картину мира, он также ограничивает сферу познания, определяя нечто завершенное со всех сторон, удерживаемое в известных пределах. Мифологический процесс – это явление такой полноты протекания, своего рода движение, которое исходит из определенного начала, проходит через определенные центры, достигает определенного конца, тем самым замыкая и завершая себя.

Расхождение между философским и мифологическим выражением творческой воли субъекта уже с очевидностью прослеживается в том, что творческий порыв в философии рождается в акте вопрошания. В этой связи философия включает в свой гносеологический конструкт проблемы и попытки дать ответ на поставленные ею вопросы. В отличие от нее миф уже в самом себе содержит определенный ответ, не ставя перед собой вопросов, решение которых становится возможным в рамках философского дискурса. В пределах мифа всякие онтологические высказывания, то есть высказывания о бытии мира, о мире как сущем профанируются, в результате чего оказываются представленными в упрощенных этиологических схемах. Они реальны только в философии, поэтому именно философия способна претендовать на роль онтологии или учения о бытии таковом.

В работе «Диалектика мифа» А. Ф. Лосев уточняет, что «предельно-интенсивной» реальность мифа является лишь для мифологического сознания. К этому следует добавить, что в основе мифологической реальности лежат вещественно-телесные интуиции, являющиеся продуктом мифологического сознания. Философская же онтология призвана установить фундаментальные значения реальности на все времена, выявить возможный для человека максимум ее значения. Таким перманентно реальным оказывается лишь самосознание как предельное состояние субъективности. Однако его реальность не является его собственным достоянием, она оказывается присущей самосознанию лишь потому, что самосознание открыто Сверхсущему. Благодаря Сверхсущему явленные в философском творчестве смысловые формы доводятся до уровня самосознания, обеспечивающего целостность полагаемого смысла.

В пределах мифа всякие онтологические высказывания, то есть высказывания о бытии мира, о мире как сущем, о природе человека оказываются ограничены бытийными возможностями самого мифа и, соответственно, неосуществимы. Человек, следуя трагическому примеру мифического героя Икара, обостренно ощущает допустимые границы своего собственного бытия, а также границы познаваемого им мира. Лишь философия способна претендовать на роль онтологии или учения о бытии как таковом и призвана установить фундаментальные значения реальности на все времена, выявить возможный для человека максимум ее значения.

Если в освоенном пространстве мифа кроме человеческого, зафиксированного в антропоморфной мифологической картине мира, ничего нет, и значит, истина есть сам человек, то в философии круг истинного гораздо шире. Притом увеличение его пространства имеет принципиальный характер. Человек узнает нечто сверх себя и помимо себя. Тем самым расширяются и творческие возможности человека. Перенося центр мировосприятия за пределы ограниченно человеческого, в область сущего как такового, человек вовсе не теряет, а выигрывает, так как раздвигаются пределы пространства его реализации, возникают новые творческие цели, виды деятельности и т.д. Истина вне человека оказывается в этом плане более «человеческой», чем истина по масштабам человека.

Но для того, чтобы мыслящий субъект подвинулся к осмыслению запредельно человеческого, в его сознании должно возникнуть противоречие между положениями мысли и положениями бытия. До тех пор пока мир для человека существует таким, каким он ему кажется, всякое утверждение мысли о мире, очевидно, относится только к миру кажущемуся, и потому всякое утверждение мысли о мире, если только это утверждение согласно с собою самим, всегда и безусловно полагается состоятельным, так что никакого сомнения, а тем более критики мысли в этом случае, очевидно, возникнуть не может. Когда же мир действительный отделяется от мира кажущегося, тогда всякое суждение о мире кажущемся не может быть перенесено на мир действительный без особого оправдания этого переноса в отношении мира действительного, так что для состоятельности мысли о мире в этом требуется уж не одно только

формальное согласие мысли с собою самой, но и согласие ее с действительностью: в этом именно согласии мысли и действительности и полагается истинность философского познания.

Особый характер философского творчества определяет и коренное отличие природы философских понятий от понятий, в которых вещи предстают прежде всего как конкретные, внеположные человеку в их истинно человеческом смысле. К их числу относятся не только мифические представления, имеющие божественную природу, но и, казалось бы, в корне противоположные мифу понятия науки. И там и там, разумеется в различных качествах, вещь находится в центре внимания, а «человеческое дело» – на периферии. В отличие от мифа и науки творческая задача философии заключается в том, чтобы привести сущее к своей подлинной природе, а не вытолкнуть в *несуществование*. Поэтому дистанция философии по отношению к сущему не дистанция-отторжение, но дистанция-связь. Устанавливая в своем знании подлинный статус сущего, она тем самым делает человеческой данностью самое бытие. Будучи одновременно выражением мудрости, философия в своем творческом поиске обращается к предельным смысловым основам, видит вещи и весь мир в их человеческом (ценностно-смысловом) измерении.

Философия открывает новые перспективы, расширяющие горизонты знания до постижения мира самого по себе, как чистого объекта, уже не окрашенного и не искаженного человеческой субъективностью. В этом плане философия рассматривается как преддверие европейской науки, как изначальная концентрация ее основных смыслов. Однако не следует забывать, что важнейшей целью философского творчества является пробуждение в человеке универсального Я и приведение его в соответствие с внешним бытием. В соотношении с предметным миром философия раскрывает это Я как центр познавательной ситуации, вне которой никакие данные опыта, то есть почерпнутое извне предметное содержание, не может стать знанием. Вне философии знание тем самым становится чем-то иным, меняет свою природу и лишь по формальным признакам сохраняет свое присутствие.

Современный европейский человек оказался во всевластии науки, которая создала уже неотторжимое от него «неорганическое тело» – мир современной техники. Думать и расстаться с ним всерьез, наверное, можно было еще во времена Руссо, когда «гуманитарное пространство» было еще достаточно обширным. Не случайно Кант видел заслугу Руссо в том, что тот поставил этику выше всего на свете, в том смысле, что есть некоторые этические достоверности, которые не зависят от прогресса науки и знания. Но они возможны в силу устройства мира. Главное, не считать себя лишним в мире. Сегодня подобная точка зрения утратила свою действенность. Ученый еще хочет, чтобы наука была знанием, выдававшим присутствие человека, но для этого нет иного способа, кроме как вновь вернуться к основе всякого знания – отношению Я и предмета. Но тогда требуется вновь актуализировать чистое, неопредмеченное Я в мышлении. В этой связи возникает потребность в обращении к философии, которая способна решить вполне конструктивную творческую задачу – открыть путь научения идее чистого Я. Знание о чистом Я остается единственным видом подлинного знания.

Благодаря философскому поиску мы возвращаем человека к его подлинной сущности из безличностных форм существования, где он, человек, выносит суждения о мире, нисколько не подозревая об отсутствии необходимого основания, которое, собственно, и делает его таковым. В результате возникает перспектива устранения дефицита личности и приведения ее к чистой форме, абсолютному значению. При этом в процессе творческого роста зачастую происходит самоустранение субъекта с целью последующего достижения органичности восприятия и в конечном счете обретения себя уже на новом уровне. Фактически же устранение происходит в момент творческого озарения, благодаря которому открывается перспектива выхода за пределы своего собственного «я», что приводит к самоизменению субъекта, а также развитию его мировоззрения. Творческий подход субъекта к оценке внешнего бытия, а также его обращенность к духовным аспектам своего существования являются основным мировоззренческим принципом, личностной основой.

Философия рассматривает мир окружающих ее объектов как физического, так и духовного плана под углом зрения конечной цели истории и мироздания. Конечный смысл мироздания или конечный смысл истории является частью человеческого предназначения. А человеческое предназначение заключается в том, чтобы в итоге стать Человеком. Предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему и тем самым укрепиться в своей духовной природе. Образ и подобие Божье – это символ, соотнесенность с которым человек исполняет в качестве Человека. Бог как предельное выражение возможностей человека устраняет исключительно натуралистическую мысль о изначальной заданности его природой и эволюционными процессами, происходящими в ней. Человек непрерывно создается в истории и культуре с участием его самого, его индивидуальных усилий.

Одним из важнейших результатов творческой деятельности принято считать открытия. В особенности это принято относить к науке. Что касается сферы философского творчества, то здесь, как верно заметил О. Е. Иванов, «философские открытия заключаются не в демонстрации, не в знакомстве с сущностями, которые нам были совершенно неизвестны в нашем дофилософском опыте. Они являются... полным осознанием фактов, которые нам уже в той или иной мере известны и важность которых обычно предполагается в наших действиях. Открытие Аристотелем сущности и правил логических умозаключений не означает того, что эти правила до обнаружения его работ были совершенно неизвестны людям и никогда не применялись. Напротив, в определенной степени эти правила были известны всем людям, по крайней мере, имплицитно» [1, с. 124–125].

Философские открытия часто заключаются в некоем ясном, полностью осознанном понимании фактов, возможном благодаря их философскому анализу. Данные факты изначально воспринимаются как известные и добываются из непосредственного соприкосновения с действительностью. При этом философствующий субъект хочет познать объект не для того, чтобы «устранить» его как побежденного, а чтобы глубже и реальнее приобщиться к нему, отмечая его неизменную данность.

Философская креативность стремится к постижению основ бытия путем сотворения параллельного бытия и реальности, пусть и в ущерб эмпирическому. Она идет как бы «внутри», «вглубь». В этом случае новизна имеет персональный, экзистенциальный характер. Причем благодаря онтологичности устремлений в этом типе креативности органично сочетаются гносеологический, эстетический и этический компоненты. В целом философский тип креативности «работает» в духовной сфере деятельности, основным «продуктом» ее можно назвать духовные, трансперсональные ценности.

Философия как стремление человека к познанию себя самого определяет и выражает собою весь процесс духовного развития человека. Так как исходным моментом этого развития служит постоянное противоречие мысли и жизни, основанием же этого противоречия является коренное противоречие между природным содержанием человеческой личности и механической природой физического мира, то человек, естественно, пытается отгадать себя и определить свое положение в мире из познания своих отношений к безусловному бытию Бога. А потому первым и непосредственным содержанием философского мышления является содержание религиозных верований и философия ближайшим образом определяет и выражает собою весь процесс религиозно-нравственного развития человека.

Философское творчество представляет собой акт, в рамках которого происходит не только переосмысление существующего и формирование нового знания об объективной реальности, но также осуществляется процесс закрепления человека в бытии. Реальность для философа – это отнюдь не мир, воспринимаемый нами как нечто внешнее по отношению к человеку, а сложнейшая проблема соединения человека и мира, проникновение человека в мир. В философской деятельности проявляется глубинное творческое стремление человека к непрерывному поиску новых путей решения существующих проблем и к самоутверждению в мире. Философское творчество несет в себе попытки прорыва к нормальному функционированию субъекта в постоянно усложняющемся мире. В философском творчестве не только выявляется всеобщее в системе «мир–человек», но и этой системе также дается определенная ин-

терпретация и формируются новые смыслы. Все это позволяет находить определенный ориентир в совокупности массовых решений, смыслов, заложенных в динамично развивающемся мире.

В целом философское творчество есть процесс выработки исходных, наиболее общих принципов и универсальных форм понимания мира как целого, выступающих мировоззренческими ориентирами в творческой деятельности человека. Оно нацелено на самореализацию и самосозидание мыслящего субъекта, на приведение в соответствие его духовного мира и объективных основ бытия, что в итоге универсализирует знание и придает ему целостный и всеобъемлющий характер.

1. Иванов О.Е. Самосознание как основа метафизики. Опыт введения в философию. СПб.: Церковь и культура, 2002.

2. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992.

3. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Ф. Ницше. Сочинения : в 2 т. / пер. с нем. Г. А. Рачинского; сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М., 1990. Т. 1. С.47–157.

В. В. Муравьев

Бытие и смерть в религиозной и светской эсхатологии

УДК 2(078)

Эсхатология – учение о конечных целях существования индивида и человечества. В истории культуры сложилось несколько ее типов. В религии и философии в качестве антропологических суператтракторов рассматривались: спасение в загробной жизни; слияние с мировой субстанцией; духовное просветление; построение общества, основанного на священных или научных принципах;